

Мы причастны греху цареубийства.

Предисловие

Святые царственные страстотерпцы

Святитель Иоанн Максимович, известный горячей любовью к Царской Семье и оставивший слово в память их, о котором иначе, как о «жгущем сердца», не скажешь, неразрывно связывал возрождение России с народным покаянием в цареубийстве. Хорошо помнится в этой связи один эпизод, бывший еще до прославления Царственных Мучеников в 2000-м году, но незадолго. Как-то, во время передачи в прямом эфире, позвонила одна женщина на радио «Радонеж» и – по поводу покаяния – стала упрекать комментатора, Виктора Александровича Саулкина: «Это что же? Всем собраться на Красной площади и встать на колени?» Виктор Александрович доброжелательно и спокойно отвечал: «Ну, что вы? Разве в этом дело? Важно то, что происходит в наших сердцах». Прошло почти 20 лет. При дверях 100-летие мученической кончины Царской Семьи. Что же происходит в наших сердцах? Однако к «горестным заметам» мы обратимся не сразу.

Малоизвестный исторический факт

Цареубийство готовилось заранее, и одной из составляющих его подготовки была дезинформация, а также создание почвы для последующей дезинформации. Об этом интересно рассказывается в недавно вышедшей книге историка П.В. Мультатули «Император Николай II. Екатеринбургская Голгофа» [[Мультатули П.В. Император Николай II. Екатеринбургская Голгофа. – М.: Двуглавый орел, 2018. – С. 148-149.]], в основном касательно московской газеты «Новое слово», воспроизводившей разные слухи. Так, 19 июня газета пишет о предстоящей высылке Романовых за границу. П.В. Мультатули замечает: «Эти слухи должны были успокоить немцев. Но одновременно им было сообщено, что в целях спасения Государя будет

неоднократно распускаться слух о его убийстве, которому верить не надо»[[Указ соч., с. 148.]]. Дьявольская продуманность, иначе не скажешь: после цареубийства будут считать, что верить этому нельзя... И верно, слухи распускались, о них писалось, затем публиковались опровержения. О распускании большевиками слухов насчет расстрела Царя пишет также историк Г. Зайцев в книге «Романовы в Екатеринбурге: 78 дней». Г.Зайцев видит в этом еще одну мотивацию, не противоречащую указанной Мультатули. Проверялась народная реакция на слух о расстреле Царя. Народ безмолвствовал – Семью можно было спокойно расстреливать. И, действительно, расстрел бывшего Государя был воспринят сверхбезразлично.

Пётр Мультатули

Не раз уже приводилось свидетельство Марины Цветаевой о том, как известие о расстреле Царя было принято москвичами: «Стоим, ждем трамвая. Дождь. И дерзкий мальчишеский петушинный выкрик: «Расстрел Николая Романова! Расстрел Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!» Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая, и тоже (то же!) слышащих. Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего. Хоть бы кто! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отводят глаз – куда? Да так, в пустоту». Это наши, не столь уж давние, предки. Они не убивали Царской Семьи, но «убили ум» в себе, если воспользоваться выражением из Великого Покаянного Канона Андрея Критского, отвернулись от Царской Семьи ожесточенным сердцем.

Прорастет ли?

Исторический факт, относящийся к 100-летию мученической кончины Царской Семьи: Царь Николай II народу безразличен. Детей жалко (еще б и этого не было!), но не более того. О Царице и говорить не приходится, ее (в особенности женщины) по-прежнему во всем обвиняют. Насчет же Царя нередко считают: сам виноват. Или даже видят в ужасном конце его жизни воздаяние за период правления. Одна моя знакомая (православная!) утверждала: «Не могло зря так быть!» – «Так и не было зря!» – «Нет, не могло никак. Значит, за что-то расплачивался». И сбить ее с этой мысли не было никакой возможности. Мне даже вспомнился тогда разговор с человеком, далеким от Церкви, насчет 9 января: «Должен был выйти к народу». – «Его не было в Петербурге!» – «Был!» – «Историки пишут: не было». – «Был!» Мол, «Кровавый», и все тут – ну хотелось ему так. А упомянутой православной женщине хотелось вины Царя. Но чаще просто не думают о нем, вот и все.

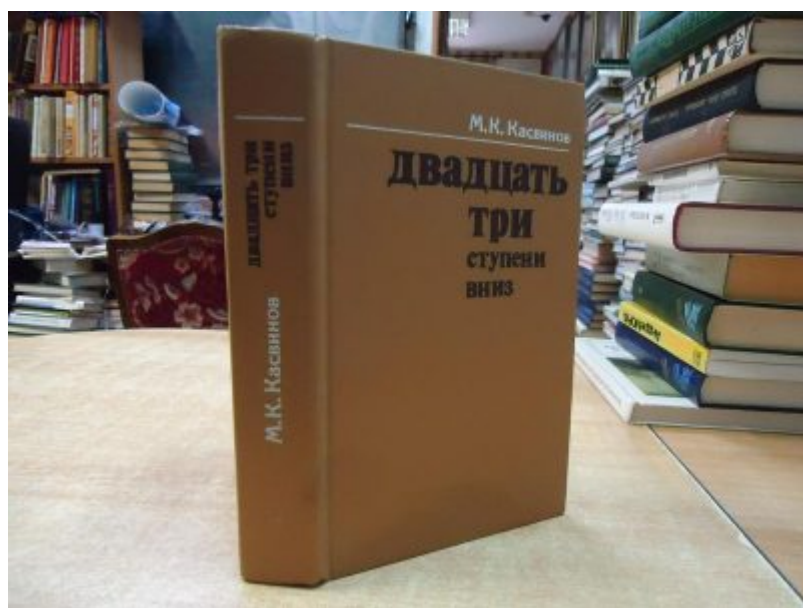
Наше безразличие к собственной истории соединяется с максимализмом и категоричностью

суждений (Достоевский писал о категоричности в «Дневнике писателя» как о нашей национальной особенности), при которых способность слышать другого утрачивается. Каждый вполне доволен своим пристрастием, не задумываясь над тем, что в случае Царя-мученика оно носит заёмный характер и не является твоим собственным мнением, каковое хорошо бы составлять самостоятельно. Прошло более четверти века после крушения советской власти, а правдивые книги о Царской Семье стали издаваться еще во времена «перестройки». Но их не читают и запросто остаются при расхожих представлениях столетней давности.

Пессимизм есть омут, и не для того написана эта статья, чтобы погружать в него читателя. Но покамест продолжим размышления в том же духе. Если бы не безразличие к Царю в сердцах наших соотечественников сто лет назад, не расстреляли бы Царскую Семью. Если бы не безразличие к Царю в сердцах наших соотечественников сейчас, не было бы выброса яда «Матильды». А нельзя не констатировать, что, несмотря на протесты и обличение в явной лжи, фильм вполне получил общественное признание. Для членов Государственной Думы был устроен специальный просмотр, и хорошо известна реакция многих думцев: «Хороший фильм. Царь стал нам ближе». Невольно вспоминается у Пушкина: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе»[[Письмо П. Вяземскому, вторая половина ноября 1925, Михайловское.]]. Причем в данном-то случае речь идет не об «унижении высокого», а просто о лжи (я знаю людей, далеких от Церкви и нерасположенных к Царской Чете, которые спокойно констатировали: «Вранье. Он любил принцессу Аликс»). Но махнут рукой и разбираться не удосужатся.

Фильм показан – проказа выступила. Прокаженный при этом вовсе и не думает о том, что это проказа, он рад «свободе», не замечая своего перед ней холуйства. Люди же небезразличные к истории собственной страны, не обязательно верующие, просто – правдивые, может, и заметили это холуйство, может, содрогнулись горестно – и, быть может, это содрогание принято Господом как плач народа (хоть горстки его) о своей стране. Скверна забудется, а плач прорастет.

Удивительный случай

С ужасом вспоминаю я, как выслушивал (мне было лет шесть) папино объяснение, почему, с революционной точки зрения, было необходимо расстрелять Царскую Семью. С ужасом я

думаю о том, что, как точно помню, я даже не спросил: «А как же дети?» – мне было совершенно достаточно (и оно как бы все собой покрывало) аргумента насчет революционной необходимости, настолько Октябрьская революция была для меня, малолетнего, святыней. Очень неприятно вспоминать, как смеялась мама над слабостью Царя – ей всё приходила на ум (от повторения я и запомнил) строчка из якобы дневника Царя: «Слушал Чайковского. Плакал» – сообразить сейчас, что за этим кроется, возможности нет. Выражение «дневник Вырубовой» в разговорах взрослых я помню с раннего возраста, значит, эта фальшивка читалась и – действовала. Помню, впрочем, как незадолго до смерти мама с большим интересом читала «Двадцать три ступени вниз» М. Касвинова, и о Царской Семье молчала, их конец ее ужасал, только это как-то проявлялось.

В разных видах соответствующая отравка, проявляя удивительную цепкость, сказывается по-прежнему

Замес клеветы был настолько прочен (словно содержал некий цемент), что в недавнее постсоветское время мой ровесник, кинорежиссер Павел Лунгин, запросто упомянул «Агонию» Элема Климова как «прекрасный фильм» (сценаристом был отец Лунгина). В разных видах соответствующая отравка, проявляя удивительную цепкость, сказывается и сказывается по-прежнему. Дело тут, нельзя не признать, нечистое: собеседника, настроенного неприязненно к Царской Чете, по выражению одного историка, «начинает корежить», как только скажешь о венценосцах что-нибудь хорошее.

И мне хотелось бы поделиться рассказом об одном из самых удивительных случаев в моей жизни, показывающем, что дело хоть и нечистое, но все же небезнадежное.

Выставка «Акварели Великой Княгини Ольги Александровны». Фото: orthodox-newspaper.ru

В «Галерее искусств» Церетели на Пречистенке более лет десяти назад была выставка акварелей Великой княгини Ольги Александровны. И вот ходит по залу этой выставки хлыщеватого чиновничьего вида (чисто выбритый, в синем костюме с малиновым галстуком) человек лет 35, с дамой, и на весь зал разглагольствует, что отречение Царя было предательством с его стороны. Озвучил обличительный текст и – по новой! Причем то же самое, и снова обращаясь якобы к даме, но на весь зал, явно на публику. Я говорил себе: «Спорить бессмысленно, не станет и слушать, оставь». Но все же не удержал себя, подошел к этому человеку – и был рад, что получилось обратиться вежливо и нормальным тоном: «А вы читали Ивана Ильина?» Задавая этот вопрос, я понимал, что, скорее всего, получу

утвердительный ответ (и совет), поскольку в прессе недавно широко обсуждалось, что В.В. Путин в послании Федеральному собранию впервые процитировал Ильина (это весна 2005 г.). Неприятный субъект с ожидаемой готовностью подтвердил: «Да, конечно». Я говорю: «А вы читали его статью “Почему сокрушился монархический строй в России”?» – «Нет», – говорит. Тогда я излагаю, что касательно отречения Ильин вначале пишет весьма критически: мол, Государь обязан бороться за свою власть, – и приводит выразительные примеры. А потом вдруг следующее: «Но когда задумаешься о жертвенности этого шага, сердце останавливается, и слова нейдут на ум» (я цитировал неточно, у Ильина на самом деле так: «Но когда созерцаешь эту живую трагедию нашей Династии, то сердце останавливается, и говорить о ней становится трудно»). Тут случилось вдруг следующее. Человек перестал быть хлыщом, как-то сник и серьезно и тихо со мной согласился: «Да, да, обязательно надо познакомиться». Но если даже такой человек вдруг оказался способен к вразумлению, то дело явно не безнадежное.

Дурное наследие

И не наше, конечно, но Божие: Он-то и силен вернуть сердца к правде, лишь бы... но не стану морализировать. Проблема глубокая. Тут ведь грех не личный, а общий, при множестве искренних заблуждений, при впитывании их с молоком матери. Мы – духовные наследники наследников того поколения, которое оставило Царскую Семью на произвол «князя, господствующего в воздухе». Можно назвать его поколением предателей, но это уже будет пафос, от которого постараемся держаться в стороне. Тем более что некоторые люди переживали катастрофу 1917 года с чувством личной ответственности и глубоким покаянием, даже не будучи ответственными за происшедшее, а порою даже будучи ответственными! С этими случаями стоит познакомиться.

Митрополит Сурожский Антоний

Вспомним рассказ митрополита Антония Сурожского о своем отце, который в эмиграции добровольно заключил себя в покаянном затворе. Он был дипломатом.

Петр Бернгардович Струве – один из самых активных деятелей «освободительного движения» конца XIX, начала XX века в России, издатель тогдашнего «Колокола» – журнала «Освобождение», выходившего в Париже в 1902–1905-м гг. Революция 1905–1907 гг отрезвила Струве, и в 1909-м г. он участвует в сборнике «Вехи», а в 1918-м г. – в сборнике «Из глубины». Русские мыслители (Струве – один из самых основательных) дали однозначное заключение: русская интеллигенция привела страну к катастрофе. Однако это осмысление носило лишь философский характер, в нем ничего не говорилось о главной мечте: «Долой самодержавие!», не было осознания измены Царю в сердцах соотечественников. Один лишь Струве – уже в 1919-м году! – пришел к покаянной мысли, а в 1920-е годы не раз высказывал ее в эмиграции.

Но в целом поколение, при котором казнили Царскую Семью, «замолчало» свое попустительство совершившегося злодеяния, так что даже очевидно зверский его характер (убийство детей) оказался вытеснен из сознания. И когда Осип Мандельштам в статье 1922 года «Кровавая мистерия 9 января» писал: «Любая детская шапочка, рукавичка или женский платок, жалко брошенный в этот день на петербургских снегах, оставались памяткой того, что царь должен умереть, что царь умрет», он, конечно, и думать не думал о царских детях. Все заслонялось тем, каким плохим и слабым был Царь. Так после убийства императора Павла последнего стали считать слабоумным сумасбродом, не задумываясь над тем, что это мнение слишком удобно для безнаказанных убийц. Мнение же о Царе Николае II выражалось общепринятым жестом руки: «Э-э, да что говорить». Помню, мной был испытан некоторый шок, когда в ответ на самоочевидную «истину», будто «Царь был под пятой у жены», – что я вставил в разговор мимоходом, мой собеседник остановил вдруг меня, сказав: «Это утверждение совершенно не соответствует действительности, что очень легко доказать». Шок относился лишь к тому, что я опозорился: собеседник был историком, чувствовалось, он знает, о чем говорит, а я вдруг выказал невежество... Примечательно, что я и не подумал спросить упомянутых доказательств, Царь как был, так и остался для меня безразличным. Более того, я могу сам себе напомнить, что в начале 1980-х годов, и уже будучи человеком воцерковленным, я читал Жильяра, и главное, что увидел тогда в его свидетельстве, было только: какие же гады эти большевики! Мне нравилось чтение, нравилась Царская Семья, но задевало меня только собственное ожесточение против жестокости большевиков. Это хорошо мне запомнилось, потому что «тамиздатовскую» книгу дали мне надолго, я давал ее читать разным знакомым, и мы делились впечатлениями.

Сейчас я обращусь к рассказу о том, как стал почитать Царскую Семью, но сообщу перед этим еще об одном удивительном случае, бывшем с моей хорошей знакомой, когда она училась в начальной школе (1960-е годы). Итак, она была советской младшеклассницей, и приснился ей... Николай II! И о чем-то очень по-доброму и очень долго с ней беседовал, она ничего не запомнила, но ей было с ним очень хорошо. А на следующий день их учительница подробно объяснила детям, какой Николай II был плохой и как нужно к нему относиться. И Наташа (так зовут мою знакомую), совершенно забывшая свой сон, учительнице – поверила. Прошли десятки лет, Наташа стала верующей, не сразу, но пришла и к почитанию Царя как святого – и неожиданно вспомнила тот случай! «Ну, и удочку закинул!» – воскликнула она под конец своей истории. Думаю, читатель понимает, что рассказ этот не столько о мистике, сколько о безвестной учительнице начальной школы в Советском Союзе.

Личный опыт

Андрей Мановцев

По роду занятий я преподаватель математики, и без частных уроков мне не обойтись. Дочке было несколько месяцев, шел 1992-й год, не нужно никаких пояснений, было голодно. И вот появилась у меня ученица, которую нужно было подготовить к письменному экзамену по математике на отделение структурной лингвистики на филфаке МГУ. Экзамен там был непростой, мы с Машей усердно занимались весь учебный год и в процессе занятий подружились. Ввиду Машиных способностей, у нас - не в ущерб занятиям - оставалось время на общие разговоры. Вдруг в таком разговоре она и говорит (а мы и раньше касались церковных тем, зная, что и она и я православные): «Император Николай II - святой». И я как заору на нее: «Какой святой?! Сам отрекся!» - сразу сорвался, озвучив «мысленного волка». Маша - ничего, буквально никак не отреагировала и вида никакого не показала, что ей неприятно, просто не стала продолжать, и больше мы к этой теме не возвращались. Наступило лето, Маша написала математику на пятерку, приезжала меня благодарить, мы хорошо расстались, о том случае я давно забыл, мы переехали на дачу, в жаркий летний день я катил младенца-дочку в коляске, помню - тропинка, яркий жаркий свет... и вдруг вспомнил! Не могу передать, как мне стало стыдно: «Что ж я так заорал-то?» А ведь все уже давно позади, и с Машей расстались, и всё хорошо... а с этим что делать?? Так что когда меня спрашивают, как я пришел к почитанию Царской Семьи, я отвечаю: «Со стыда». И было это весьма небыстрым. Мне попались тогда две книги: «Убийство Царской Семьи» Николая Соколова и «Русская девушка» П. Савченко - о Великой княжне Ольге Николаевне. Книги мне понравились. Но тут надо сказать, что с юных лет я - в течение долгого времени, вплоть до прихода в Церковь - более всего уважал диссидентство, так что поначалу даже слова алчущие и жаждущие правды (Мф. 5, 6) относил к диссидентам, смешно вспомнить. Говорю здесь об этом для того, чтоб дать представление о жестокости разыгравшейся в моей душе внутренней брани: «Ты что, монархистом решил заделаться? Ты против свободы? А погромы? А Распутин? А отречение?» - начинало греметь наподобие кухонной посуды, как только я хоть что-нибудь хорошее думал о Царе. О Царице не думал, откладывал до решения про себя насчет Царя. Прошел год! Я посетил выставку в Манеже «Последний Император России», посвященную 75-летию

мученической кончины Царской Семьи, и до сих пор прямо вижу перед глазами строки дневника (экспоната) Николая Александровича: «... я сидел рядом с маленькой Аликс, которая мне ужасно понравилась». Справедливости ради, я должен сказать, что мы с женой читали тогда уже книгу Роберта Мэсси «Николай и Александра» и очень хорошо к ней относились. Но другое дело – признать святым! Что-то совершалось в душе, и я чувствовал, что «в нужном направлении», но... Как вдруг я сообразил: нужно попробовать помолиться! Это-то и был кардинальный момент. Без молитвы тут останешься буксовать. «Но кому? – я думаю. – Кому-нибудь из детей». Сразу стало ясно: Ольге Николаевне. А в той местности, где мы регулярно жили на даче, был родник, из которого мы часто брали воду для чая. Шел я как-то туда с бидоном и в удрученном по некоторому поводу состоянии. Вспомнил на роднике о своей идее – помолиться Великой княжне Ольге, помолился ей о том, что удручало, и вдруг стало легко. Тут-то и появилась у меня почва под ногами. Все равно одолевали сомнения, и неприязнь к Царице не проходила, а вместе с тем я понимал, что друг от друга их, конечно, не оторвать. Потом помню статью отца Александра Шаргунова о подобии подвига Царской Семьи подвигу Бориса и Глеба, она меня сильно укрепила. Что же касается Царицы, то вдруг я подумал: «А почему я не могу ее простить?» Сейчас бы я отнесся к таким словам с возмущением. Но тогда-то я еще ничего по-настоящему не знал, и начать с этого было выходом...

Только Церковь

Помните, у Чехова в «Скучной истории» герой наблюдает за ходом своей смертельной болезни, честно отмечая ее этапы? Если б у меня получилось рассказать об этапах своего приобщения к Царской теме, это был бы, напротив, рассказ о выходе к свету. И очень важным здесь было – найти единомысленного священника. Один батюшка, бесконечно дорогой для нас с женою, оказалось, не мог простить Царю отречения и не принимал никаких объяснений по этому поводу; увы, это нас разлучило. Другой на вопрос, можно ли молиться Царю, сказал мне: «Только келейно», и мне пришлось это как-то не по душе. Вдруг еще один возьми да скажи: «Я считаю, что не только келейно» – хоть и не было никаких еще к тому церковных оснований. И всё, мы сошлись! Слава Богу!

Только Церковь правдиво относится ко Христу – как к Царю и Богу. Вспомним одно из исповеданий крещаемого в чине оглашения. После троекратного отречения от сатаны и троекратного сочтования со Христом на вопрос священника «И веруеши ли Ему?» крещаемый отвечает: «Верую Ему яко Царю и Богу», после чего читает «Символ веры». Только Православная Церковь знает (чем пронизано все молитвословие и чем дышит богослужение) царственность во Христе и не видит никакого противоречия между царственностью и кротостью, в частности, никоим образом не видит в последней «слабость». Таким образом, только Церковь и может правдиво взглянуть на своего свидетеля, мученика, несшего крест Царя Российского.

Мудрость прославления Царя как страстотерпца стоит я, думаю, понимать икономически. Подвиг Царской Семьи во время заточения внятен всем, остальное – предмет беспокойных пререканий. Увы, для тех из «наследников наследников», которые исповедуют православную веру, прославление Николая II в чине страстотерпца служит поводом к странному (казалось бы, но если вспомнить крепость клеветнического замеса, то ничуть) злорадству. Спорщик восклицает: «Только как страстотерпца!», далее же, расписавшись в (лицемерном, иначе не скажешь) признании святости Царя, наш резонер бросается поносить Государя как государственного деятеля. По слову Достоевского, здесь сказывается «великая праздная сила», одолимая не чем иным, как молитвой и постом. Но время работает на правду. Закваска непредвзятого и доброго отношения к Царю вскисает. Выходят серьезные обстоятельные книги. Упомянем сборник «Царь и Россия», упомянем труды П.В. Мульгатули и К.Г. Капкова. И церковному народу становится все яснее, что Голгофа в Доме особого назначения – это венец

Царского крестоношения на всем пути его служения.

К сожалению, и в Церкви можно встретить не только безразличие к Царю-страстотерпцу, но и любование вместо любви. Есть священники, с восхищением упоминающие Царственных мучеников («Дивный подвиг! Дивный подвиг!»), но – нетрудно заметить по их высказываниям – и не думающие вникнуть в данную тему, представляющие, в частности, Царя как благочестивого юродивого на троне, неспособного к управлению. Как-то это безответственно. К сожалению, вовсе нельзя сказать, что 17 месяцев от 100-летия со дня отрешения Государя от власти до 100-летия мученической кончины Царской Семьи наша Церковь посвятила серьезному осмыслению ключевых событий XX века. Вышел сборник «Царь и Россия» – это да. Но вместо широкой просветительной кампании, обращенной ко всему народу, время ушло на бесплодное ожидание внятного решения по проблеме «екатеринбургских останков», а что проявлялось в связи с этой проблемой, лучше оставить без обсуждения.

Слово святителя и слово пастыря

Святитель Иоанн (Максимович)

Только в Церкви живет мысль о покаянии в грехе цареубийства. Предоставим слово святителю Иоанну (Максимовичу): «Открыто не было ничего сделано в защиту Государя и Престола. Молчаливо принято было известие о лишении Царя и Его Семьи свободы. <...> Посему Государь оказался всецело в руках своих тюремщиков и новой власти, знавшей, что может сделать все, что хочет. / Убийство легло на совесть и душу всего народа. Виноваты все в той или иной степени: кто прямым мятежом, кто его подготовкой, кто изменой и предательством, кто оправдыванием совершившегося или использованием его в выгоде себе. Убийство Царя-Мученика есть прямое следствие их. / Кровь его на нас и на чадах наших (Мф. 27, 25) (выделено святителем – А.М.), не только на современном поколении, но и на новом, поскольку оно будет воспитано в сочувствии к преступлениям и настроениям, приведшим к Цареубийству./ Лишь полный духовный разрыв с ними, сознание их преступности и

греховности и покаяние за себя и своих предков освободят Русь от лежащего на ней греха»[[Слово архиепископа Иоанна, сказанное им в брюссельском Храме-Памятнике в 1962 г.]].

Грех безразличия к Царской Семье лежит на нас и поныне, и о «полном духовном разрыве» с теми, чья хула на Царя продолжает звучать, говорить не приходится. Мы закончим статью цитатой из [послания Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к Священному Синоду Русской Православной Церкви к 75-летию убийства императора Николая II и его семьи](#). Прошло четверть века, но слова остаются актуальными: «Грех цареубийства, происшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского, и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном сознании. Несколько поколений за это время успело сменить друг друга, но память о совершенном беззаконии, чувство вины за его нераскаянность не изгладились в народе нашем. Убийство Царской Семьи – тяжкое бремя на народной совести, которая хранит сознание того, что многие наши предки посредством прямого участия, одобрения и безгласного попустительства – в этом грехе повинны. Покаяние же в нем должно стать знамением единства наших людей не по форме, а по духу. И сегодня мы, от лица всей Церкви, от лица всех её чад, усопших и ныне живущих, приносим перед Богом и людьми покаяние за этот грех. Прости нас, Господи! Мы призываем к покаянию весь наш народ...».

Андрей Мановцев

Источник: [Православие.RU](#)